

Песня конца 1930-х открыла новый этап в творчестве Ч. — движение от отвлеченного торжественного пафоса к лиризму повседневной жизни и быта современников. Особенно это качество поэзии Ч. проявилось в годы Великой Отечественной войны. Он работал в это время в творческой бригаде поэтов и композиторов при Балтфлоте, печатался в военных газ. Осенью 1941 им создана песня «**Вечер на рейде**». С первого исполнения в землянке под Ржевом, а затем на импровизированных сценах фронтовых театров началось ее шествие по всей стране. Особенно полюбил ее Ленинград — она звучала по блокаде радио, сплавляла людей.

Среди других песен Ч. о войне — «**Песня народного гнева**», «**Клятва балтийцев**», «**Кронштадтский вальс**», «**Песня матери**», «**Сестра**» и др.

В послевоенные годы выходят книги «**Самое дорогое. Стихи и песни**» (1947), «**Песни на стихи А. Чуркина**» (1949), «**Избранное**» (1953). В 1953 Ч. и В. Сорокин создают ораторию о великой битве на Волге. В характерных для этого времени темах — воспоминания о войне, о великой Победе, любовь, дружба, борьба за мир — Ч. достаточно традиционен, временами даже повторяет себя, создавая схематичные образы, «подменяет подлинными коллизии времени внешней событийностью» (Борисов Г. — С. 76).

В 1960-е особенно лирически и задушевно звучит традиционная для Ч. тема Родины. Социальные декларации все больше сменяет нравственный пафос углубленных раздумий: «На вольных просторах, / В бескрайних разливах / Синеют озера, / Колышутся нивы. / От Волги до Братска / Огни золотые, — / Все это Россия, все это Россия». Наиболее ярко новые тенденции заявили о себе в «ленинградском цикле» Ч. Лучшие из этих стихов совмещают патриотический пафос с подлинной теплотой и задушевностью: «Зари розоватый багрянец / Окрасил родную Неву, / Я счастлив, что я ленинградец, / Что в городе славном живу» («**Песня о Ленинграде**», музыка Г. Носова). Это же можно сказать о «**Вечерней песне**»: «Город над вольной Невой, / Город нашей славы трудовой, / Слушай, Ленинград, / Я тебе спою, / Задушевленную песню свою». Интонация колыбельной придает ей особую нежность. Первыми тактами этой песни открывались передачи Ленинградского телевидения, она звучала вместо традиционного театрального звонка в Большом концертном зале «Октябрьский», но самое главное — она осталась звучать в сердцах.

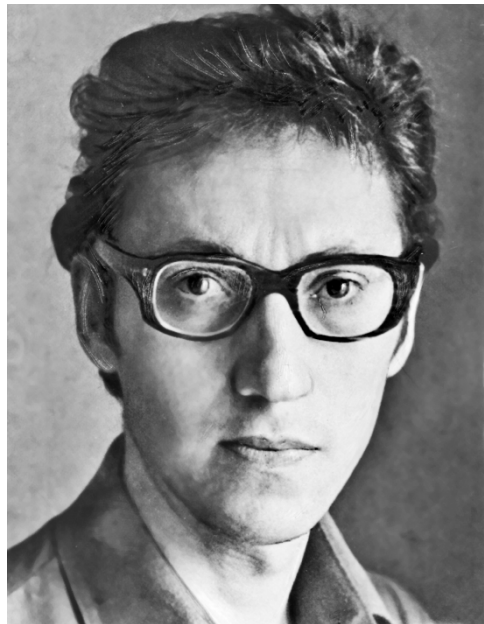
Соч.: Стихи. Песни. Поэмы. Л., 1963; Стихи и песни. М., 1966; Стихи о Ленинграде. Л., 1967; Стихотворения. Л., 1973; Стихи и песни. Л., 1983.

Лит.: Борисов Г. И песня, и стих... Л., 1973; Долматовский Е. Рассказы о твоих песнях. М., 1973. С. 214–215; Пахомова М. Карелия в творчестве советских писателей. Петрозаводск, 1974. С. 22–28; Прокофьев А. Песня в полете // Прокофьев А. СС. Т. 4. Л., 1980. С. 356–358; Пономарев Б. Литературный Архангельск: события, имена, факты. Архангельск, 1982. С. 102–106; Кежун Бр. О творчестве А. Чуркина // День поэзии. Л., 1985. С. 320–324; Фогельсон С. Мой друг — поэт Александр Чуркин // День поэзии. Л., 1988. С. 196–198.

К. Ф. Бикбулатова

ЧУХОНЦЕВ Олег Григорьевич [8.3.1938, г. Павловский Посад Московской обл.] — поэт, переводчик.

Окончил ф-т русского языка и лит-ры Московского гос. педагогического ин-та им. В. И. Ленина. Печататься начал в 1958. В 1960 подготовил сб. стихов «**Замысел**», однако идеологическая цензура не позволила ему выйти в свет. Критика Ч. в 1968 за стих. «**Повествование о Курбском**», в котором якобы оправдывалось предательство, еще больше затруднила выход книг поэта. В результате первый сб. стихов Ч. «**Из трех тетрадей**» вышел только в 1976. Второй его сб. — «**Слуховое окно**» — появился в 1983, а третий — «**Ветром и пеплом**» — в 1989.

О. Г. Чухонцев

Для поэтического мировосприятия Ч. характерны драматизм, историзм и лирико-философская рефлексия, формировавшаяся под влиянием таких христианских и неохристианских мыслителей, как П. Я. Чаадаев, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. Ф. Федоров и др. Долгое пребывание в идеологическом подполье способствовало развитию как в мировосприятии поэта, так и в его стиле драматической двойственности, контрастности в соотношениях между светом и тенью, добром и злом, видимой стороной жизни и ее «ночной» изнанкой, между миром реальным, предметным и миром иным, идеальным, духовным, божественным, между верой и знанием, жизнью и смертью. В этой двойственности и контрастности преобладают мрачные тона, рембрандтовские светотени. Психологически и стилистически Ч. родствен Достоевскому, его современникам К. Случевскому, И. Анненскому и А. Апухтину, а также В. Ходасевичу.

Развитию двойственности способствовала и биография Ч. Рожденный в Посаде — полудеревне-полугороде, посвятивший ему мн. свои стих. и поэму **«Свои. Памяти близких»**, считающий себя «интеллигентом в первом поколеньи» (**«Отрывок»**), поэт чувствовал себя в столичной интеллигентской среде человеком пришлым, чужим и одиноким, хотя, с другой стороны, он здесь нашел и друзей, поклонников своего таланта.

Глубокий историзм поэзии Ч. сказывается не только в изображении далекого (**«Илья»**, **«Повествование о Курбском»**, **«Кончина Ивана»**, **«Похвала Державину»**, **«Барков»**, **«Батюшков»**, **«Дельвиг»**, **«Каховский»**, **«Чаадаев на Басманной»**) и близкого (**«Свои»**, **«Кот в сапогах»**, **«Двойник»**) прошлого, но и в изображении современности (**«Соседка»**, **«Семен Усуд»**, **«Однофамилец»**). Особенно внимателен поэт к мрачным, трагическим периодам национальной истории: эпохе Ивана Грозного и временам сталинизма. Для характеристики того или иного времени он чаще всего прибегает к жанру историко-психологического портрета, а иногда к панорамным зарисовкам (**«На ташкентской бойне»**, **«Репетиция парада»**), в т. ч. пейзажного характера (**«Когда запекает бор»**, **«Пасха на Клязьме»**). В стих. **«Седой учитель начальных классов...»** выразительно дан портрет участника Великой Отечественной войны, рассказ которого о событиях древнерусской истории, ассоциируясь с недавней «правой битвой», участником которой был он сам, вызы-

вает размышления о высшем смысле нашей Победы, оплаченной большой кровью. Полны глубокого драматизма размышления поэта об изнанке исторического процесса в стих. **«Нет ничего ужасней вырождения!..»**. Непримиимо относясь к деспотизму, являясь сторонником исторического прогресса, Ч. вместе с тем остро чувствует, какой дорогой ценой этот прогресс оплачивается и как медленно и мучительно он осуществляется. В отличие от многих шестидесятников, Ч. ни в годы хрущевской оттепели, ни сейчас не уповает на скорое изменение жизни к лучшему.

Ч.— почвенник по своим убеждениям, у него, говоря словами из его **«Баллады о реставраторе»**, «история в крови», но его любовь к России не является, как и у Чаадаева, слепой, она похожа на «странную любовь» Лермонтова. В стих. **«Через двор»** поэт говорит: «Прости мне, родная страна, / За то, что ты так ненавистна. / Прости мне, родная чужбина, / За то, что прикушен язык. / Покуда подлы времена, / Я твой поперечник, отчизна». У поэта, который в стих. **«Голос за снимком»** чувствует себя прахом тех, кто сгинул в ГУЛАГе, любовь к родине и не может быть другой, как «поперечной». В стих. **«...А в эти дни горели за Посадом...»** о такой любви сказано: «Нет, не любовью, видно, а бедою / Выстрадаваем мы свое родство, / А уж потом любовью, но другою, / Не сознающей края своего. / Да что об этом! Жизнью и корнями / Мы так срослись со всем, что есть кругом, / Что кажется, и почва под ногами — / Мы сами, только в образе другом». В стих. **«Не к этой свободе тянусь...»** Ч. признается: «...С годами люблю все сильнее / Не родину эту, не Русь, / Не хмурое небо над нею,— / И это, конечно! — но взгляд / Бросая на наши равнины, / Взыскуешь невидимый град / Из этой духовной чужбины».

Поисками духовного обетования проникнуты философские размышления Ч. о жизни и смерти (триптих **«Superego»**), его вариации на библейские темы (**«Фрески»**, **«Сразу споткнулся о память, едва вошел...»**, **«Пасха на Клязьме»**, **«О той земле»** и др.).

Соч.: Стихотворения. М., 1989; Чистый звук: С этим Олегом Чухонцевым беседует обозреватель «ЛГ» С. Тарощина // Лит. газ. 1995. № 3. 18 янв.; Закрытие сезона: Descriptio // Новый мир. 1996. № 9. Пробегаящий пейзаж: стихотворения и поэмы. СПб., 1997.

Лит.: Рассадин Ст. Имя // День поэзии. М., 1977; Евтушенко Е. Дорога к себе // Лит. газ. 1977. № 46.

16 нояб.; Андреева И. Поборовший робость // Дружба народов. 1978. № 2; Залещук В. «И снова жизнь свежа и безоглядна» // Юность. 1978. № 6; Сарнов Б. Почва и судьба // Лит. обозрение. 1978. № 2; Роднянская И. Предчувствия и память // Новый мир. 1982. № 10; Чупринин С. Олег Чухонцев: возраст времени. М., 1983; Шайтанов И. О простом и высоком: [рец. на сб. «Слуховое окно» (1983)] // Лит. обозрение. 1985. № 2; Санин М. Под острым углом // Лит. обозрение. 1989.

№ 10; Рассадин Ст. Другой // Лит. газ. 1990. № 10. 7 марта; Красухин Г. «И что-то зрело в нас...» // Книжное обозрение. 1990. № 25. 22 июня; Кушнер А. И тоска моя рыщет ночами: [рец. на кн. «Пробегающий пейзаж» (1997)] // Лит. газ. 1997. № 44. 29 окт.; Фаликов И. Ивиков петух [О кн. «Пробегающий пейзаж»] // Лит. газ. 1998. № 9. 4 марта.

М. Ф. Пьяных

ШАГИНЯН Мариэтта Сергеевна [21.3(2.4). 1888, Москва — 20.3.1982, Москва] — поэт, прозаик, публицист.

Ш. родилась в интеллигентной армянской семье. Отец — талантливый врач, приват-доцент Московского ун-та, мать происходила из старинного и богатого купеческого рода Хлытчиевых. Родители с вниманием относились к лит. дарованию дочери, которое проявилось очень рано (девочка писала стихи с 4 лет). После смерти отца (1902) мать с двумя дочерьми уезжает к деду в Нахичевань. В 1903 родственники везут девочек в Москву и отдают в закрытое учебное заведение (гимназию Л. Ф. Ржевской).

27 июля 1903 в газ. «Черноморское побережье» появляется первая публикация

М. С. Шагинян

Ш. — стихотворный фельетон «Геленджикские мотивы». С этого времени начинается газетно-очерковая работа Ш., не прерывавшаяся до конца творческой жизни. В 1905–06 Ш. печатается в московских рабочих изд. «Ремесленный голос», «Трудовая речь», отражая социальное и трудовое настроение рабочих; в 1906–12 она публикует заметки о лит., худож., музыкальной жизни столицы в провинциальных газ. «Приазовский край» (Ростов-на-Дону), «Кавказское слово» (Тифлис), «Баку». В 1908 Ш. поступает на философский ф-т Высших женских курсов в Москве. В студенческие годы знакомится с А. Белым, С. Рахминовым, увлекается поэзией З. Гиппиус («О блаженстве имущего. Поэзия З. Н. Гиппиус», 1912). Ш. ведет с ними многолетнюю философско-лит. переписку, пытается выработать свое мировоззрение, критерии оценки жизни и творчества. После переписки с З. Гиппиус Ш. уезжает в Петербург для совместного «искания церкви» с Мережковскими, читает лекции рабочим по истории философии, встречается со «старшими» символистами обеих столиц. В 1909 издает на собственные средства первый сб. стихов «Первые встречи». Он был весьма подражателен и встречен равнодушно. Однако даже в ранних стихах Ш. сквозь мистику и условность, символику и потусторонность ощущалось реальное стремление автора понять мир и свое предназначение. Этот активный поиск послужил толчком к отходу от символистов, к разрыву с Мережковскими, в учении которых, по словам Ш., «нет жизни, нет воздуха».

В 1912 Ш. оканчивает курсы, сдает на «весьма» (высшая оценка) все экзамены и пишет кандидатское сочинение «Критика Баадером гносеологии Канта». В 1912 сближается с семьей философа Э. К. Метне-